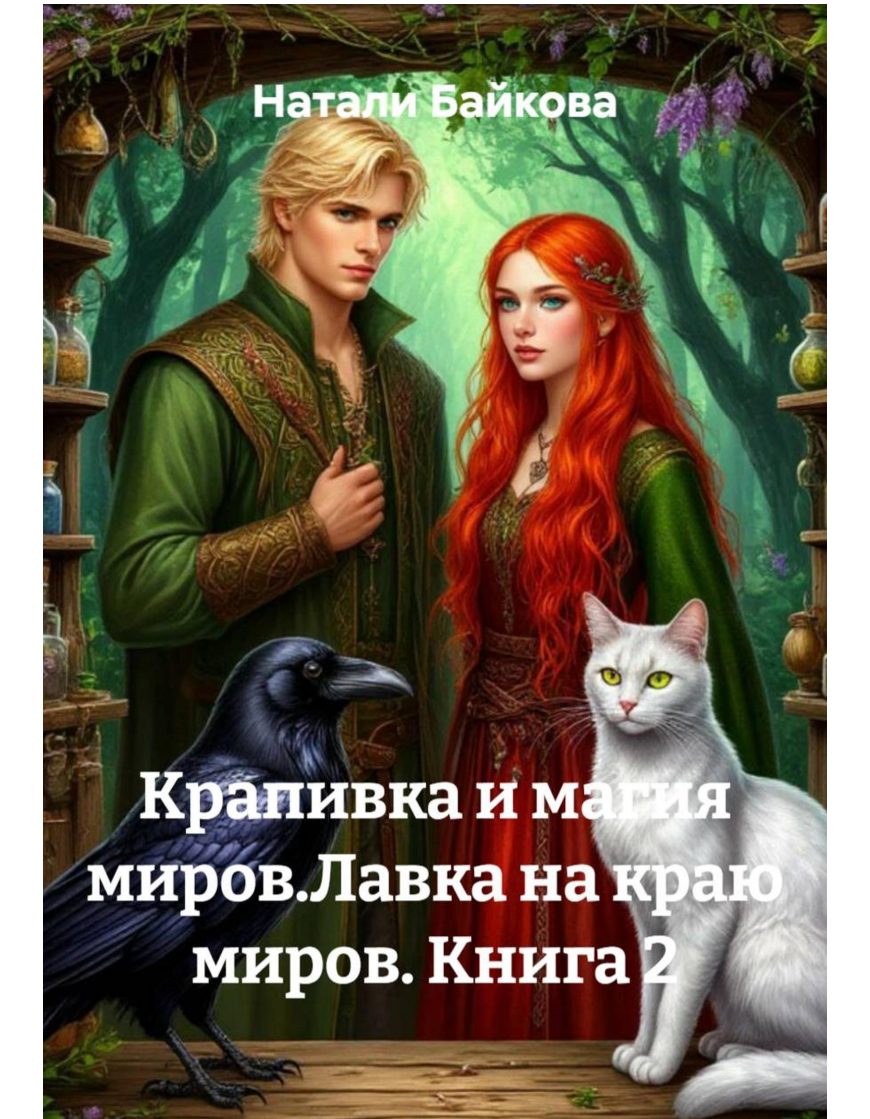

Натали Байкова

**Крапивка и магия
миров. Лавка на краю
миров. Книга 2**

Натали Байкова

Крапивка и магия миров. Лавка на краю миров. Книга 2

*<https://litres.ru/74304004>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Иногда спасти свой дом — значит рискнуть всем, что в нём есть.

Казалось, счастье наконец-то обретено. Лавка Крапивки и Луки на лесной опушке стала тёплым мостом между миром людей и магией леса. Но однажды утром в их дверь постучалась настоящая беда — не злая, а равнодушная и неумолимая, как сама смерть.

Из глухой чащи является Сильван, древний дух Перволесья, чтобы стереть с лица земли всё «лишнее»: тропинки, избытки и саму власть Лешего. Чтобы спасти свой мир, Крапивке, Луке и их верным друзьям предстоит шагнуть в разлом на краю реальности — в умирающий мир, где магия обратилась в прах, а надежда — в ядовитый туман. Их оружием против вселенской пустоты станут не заклинания, а память, и цена победы окажется выше, чем они могли представить.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Несвоевременный гость	7
Глава 2. У края бездны	10
Глава 3. Подарок старого духа	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Крапивка и магия миров. Лавка на краю миров. Книга 2

Пролог

Тишина была его царством.

Леший знал в ней каждый оттенок. Знавал тишину звенящего январского утра, когда мороз рисовал узоры на соснах. Знавал тишину летнего полдня, густую и медовую от пчелиного гула. Знавал настороженную тишину перед грозой, полную скрытого напряжения.

Но эта тишина была иной. Она пришла с рассветом, прокрадываясь по земле, как ядовитый туман. Она была поглощением. В ней замирал стрекот кузнечиков, обрывалось пение зарянки на полуслове, замолкал даже шепот ручья под мхом.

Леший стоял на краю Серебряной поляны, в самом сердце своих владений, и чувствовал, как тишина пожирает знакомые шумы один за другим. Он, чья ступня чувствовала каждый проросток папоротника, а уши слышали, как дышит спящий медведь за три версты, — он почти ничего не слы-

шал. Лишь собственное неровное дыхание и навязчивый, едва уловимый гул, доносящийся со стороны Глухой чащи.

Там, где вековые ели смыкались в непролазную стену, воздух начал мерцать. Не так, как мерцает солнечный свет сквозь листву. Это было похоже на дрожь больного тела. Прозрачная плёнка реальности истончалась, и сквозь неё просачивался запах, от которого сводило зубы — запах пыли, остывшего металла и чего-то неродного, чужого.

И тогда он увидел Его.

На опушке Глухой чащи, неспешной и величавой поступью, ступил из туманной дымки Сильван. Его шерсть отливала лунным серебром, а рога были словно сплетены из живых ветвей и звёздного света. Глаза, тёмные и бездонные, как лесные озёра, смотрели не на Лешего, а сквозь него — в самую суть вещей.

Дух Перволесья остановился, и его копыто едва коснулось мха. И в этот миг леший почувствовал это — его собственная сила, многовековая власть над чащей, дрогнула и попятилась, как живое существо. Чары, что держали тропы на своих местах и шептали зверям дорогу, растворялись в безразличном величии Сильвана.

Старый дух не сказал ни слова. Ему не нужны были слова. Его появление было приговором. Он был воплощённой памятью леса, его изначальной, дикой волей. И он пришёл стереть всё лишнее. Все тропинки, все избушки, все следы разума — и саму власть Лешего.

А где-то за спиной лешего, на солнечной опушке, стояла маленькая лавка с моховой крышей, пахнувшая мёдом и целебными травами. Лавка, которая только вчера казалась таким прочным мостом между мирами.

Мост, который вот-вот мог рухнуть под натиском древности.

Леший отступил в тень, его сердце сжалось от предчувствия бури. Беда шла не из леса. Она шла сквозь него. И чтобы спасти свой дом, ему нужно было идти к тем, кто этот дом построил — к фее и её человеку.

Глава 1. Несвоевременный гость

Солнечный луч, пробивавшийся сквозь окошко светёлки, был тёплым и ласковым. В нём танцевали золотые пылинки, смешиваясь с ароматом сушёной мяты, лаванды и свежего дерева. Крапивка, стоя у стола, аккуратно перетирала в ступе высушенные крапивные соцветия. Рядом, на подоконнике, грелась Луна, и её белая шёрстка казалась ещё ярче в утреннем свете. В лавке царил мир — тот самый, ради которого они и боролись.

Лука в это время во дворе колол дрова. Ровный, уверенный стук топора был частью их новой, прочной жизни. Всё было идеально.

Идиллию разбил оглушительный крик Кириана. Не предупреждающий, а... панический.

Кириан, обычно невозмутимый страж, влетел в открытую дверь лавки, сбив с полки несколько полотняных мешочков с травяными сборами. Он тяжело дышал, его перья были взъерошены.

— Кар-р-рамба! Старый пень! Лес... пограничье... — он выдохнул, бегая по комнате взволнованными прыжками.

Крапивка опустила ступу, её сердце ёкнуло. Она обменялась встревоженным взглядом с Лукой, который уже стоял в дверях с топором в руке.

— Успокойся, Кириан, — мягко сказала она. — Какой старый пень?

Ответ пришёл не от ворона.

Из-за спины Луки, из сгустившейся тени старого вяза, вышел Леший. И вид у него был такой, будто он прошёл через бурю, а не по летнему лесу. Его мохнатая борода была в репьях, а в глазах-светляках плясали отблески давно не виданного страха.

— Прости, что в час неожиданный, — его голос скрипел, как натянутая струна. — Не до церемоний. Чаша болеет. И не одна.

Он тяжело опустился на лавку у порога, и от него потянуло запахом прелых листьев и... чем-то горьким, чужим.

— Язва на теле мира, — прошептал он, глядя на Крапивку. — Дыра. Сквозь неё сочится смерть иного мира. И её страж пробудился.

— Страж? — насторожился Лука.

— Сильван, — выдохнул Леший, и это имя повисло в воздухе, холодное и величественное. — Дух Перволесья. Он... без гнева. Он просто вернёт всё в изначальную пустоту, чтобы исцелить боль. И начнёт с нашего леса.

Крапивка подошла к окну и посмотрела на свои крапивные заросли. Они стояли, как всегда, зелёные и жгучие. Но теперь она почувствовала это — лёгкую дрожь в земле, едва уловимый диссонанс в привычном гудении жизни. Её магия, ставшая целительной, отозвалась на это тревожным покалы-

ванием в кончиках пальцев.

— Что же нам делать? — тихо спросила она, поворачиваясь к Лешему.

Старый дух поднял на неё усталый взгляд. — Или мы зала-таем ту дыру, пока Сильван не стёр нас с лица земли. Или... — он сделал паузу, — ...или мы пройдем сквозь неё и попытаемся исцелить мир по ту сторону. Ибо иначе гибель оттуда придёт и к нам.

Лука сжал рукоять топора. Он посмотрел на свою фею, на их лавку, на кошку, на ворона. На всё, что они с таким трудом построили.

«— Значит, нам снова в путь», — сказал он . В его голосе не было страха. Была решимость.

Луна, следившая за всем с подоконника, вдруг громко мурлыкнула и прыгнула на стол, усевшись прямо перед картой, которую Леший начал рисовать углём на столешнице. Её хвост дёргался, а глаза, казалось, видели то, что было скрыто от других.

Путешествие к краю их мира и за его пределы началось. И первым шагом была карта, нарисованная дрожащей рукой на деревянном столе.

Глава 2. У края бездны

Дорогу до Глухой чащи не надо было искать. Её можно было почувствовать. С каждым шагом воздух становился тяжелее, словно его выпилили из свинца. Пение птиц и стрекот насекомых смолкли, уступив место звенящей, гнетущей тишине. Даже свет, пробивавшийся сквозь сплетённые кроны деревьев, казался больным — блёклым и желтоватым.

Крапивка шла впереди, её рука сжимала странный посох, который Лука вырезал для неё из орешника. На его набалдашнике тихо позванивали подвешенные сушёные ягоды можжевельника — природный оберег. Она шла, вслушиваясь в шёпот леса, который становился всё тише и отчаяннее.

— Земля плачет, — прошептала она, останавливаясь. — Ты это слышишь?

Лука, шагавший следом, лишь кивнул, сжимая в руке тяжёлый дубовый шест с заострённым концом. Против чего он мог пригодиться, он и сам не знал, но держать что-то в руках было спокойнее.

Леший вёл их молча, его фигура, обычно такая уверенная, теперь казалась ссутулившейся. Кириан бесшумно скользил между ветвей, его чёрное оперение сливалось с мраком чащи. Только Луна, сидевшая на плече у Крапивки, вела себя непривычно спокойно. Её уши были направлены вперёд, а

глаза, широко раскрытые, следили за чем-то невидимым.

И вот они вышли на край.

Сначала это было похоже на гигантскую паутину, растянутую между деревьями. Но, присмотревшись, они увидели, что это не нити, а трещины. Трещины в самой реальности. Они расходились от центра — чёрного, пульсирующего разрыва, висящего в воздухе. Он был не плоским, как зеркало, а объёмным, как шар, и сквозь его искажённую поверхность угадывались чужие, мёртвые очертания — обломки скал, неестественно прямые линии, напоминавшие руины.

Земля вокруг на десятки шагов была покрыта серой, мёртвой пылью. Деревья по краям этой зоны стояли голые, их кора облезла, а ветви были хрупкими, как обгоревшие кости. От всего места веяло таким холодом, что у них застывало дыхание.

— Матушкин свет... — выдохнул Лука, невольно отшатнувшись.

Но самое страшное было не это. Самое страшное они увидели, посмотрев под ноги. По краю мёртвой зоны, будто часовые, стояли... растения. Знакомые, родные — папоротники, ландыши, черника. Но они были неестественно большими, яркими, почти ядовито-зелёными. И они медленно, но неотвратно ползли своими корнями по мёртвой земле, пытаясь покрыть её, поглотить, заместить собой.

— Это... его работа, — хрипло проговорил Леший, кивнув на буйно разросшуюся зелень. — Сильван. Он не может ис-

целить эту заразу. Он может лишь затопить её жизнью, слой за слоем, пока не похоронит под собой. Вместе со всем, что здесь было.

Крапивка сделала шаг вперёд, преодолевая отвращение. Она протянула руку к чёрному разрыву. Кончики её пальцев ощутили леденящий холод и... тихий, отчаянный зов. Не голос, а само ощущение боли, растянутое на века.

— Там кто-то есть, — прошептала она, поворачиваясь к другим. Её лицо было бледным, но решительным. — Тот мир... он не просто мёртв. Он умирает. И он зовёт на помощь.

В этот момент из чёрной сферы что-то выплеснулось. Не существо, а сгусток тьмы, бесформенный и жидкий. Он упал на мёртвую землю и тут же устремился к ближайшему растению — тому самому, что пыталось захватить пустошь. Тварь коснулась листа, и тот мгновенно почернел, свернулся и рассыпался в прах.

Сильван пытался бороться. Но болезнь поедала саму жизнь, которую он посылал.

Лука взглянул на Крапивку, потом на портал. В его глазах читалась та же мысль, что и у неё. Они не могли позволить Сильвану уничтожить их мир, пытаясь спасти его. Они не могли позволить болезни оттуда прийти сюда. Выход был только один.

— Нам нужно туда, — твёрдо сказал Лука. — Нам нужно найти источник этой... гнили. И остановить его.

Кириан каркнул, садясь ему на плечо. Луна ответила коротким мурлыканьем. Их молчание было согласием.

Они стояли на краю бездны, и обратного пути не было.

Глава 3. Подарок старого духа

— Стойте! — голос Лешего прозвучал резко, заставляя их замереть на самом краю мёртвой зоны. — Без защиты шагнёте в разлом — вашу душу вывернет наизнанку. Там законы иные. Дыхания нет. Тяжести нет. Одна пустота.

Он с трудом разжал пальцы, сжимавшие его суковатую клюку. Из складок его мшистой одежды он извлёк три небольших, тёплых на ощупь камня. Они были цвета мха и испещрены прожилками, похожими на карту звёздного неба.

— Сердечник Громового Дерева, — прохрипел он, вкладывая по камню в ладони Крапивки, Луки и даже, после мгновения колебания, подвесил один на прочную лыко на шею Кириану. — Часть мира, что помнит, каким он был целым. Держите при себе. Не даст вам распасться на частички и забыть, кто вы есть. Но долго он не продержится. Считайте дни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.